

Начать можно было бы так: «Две детские головки, склонившиеся над «Букварем»... Или так: «Сталинский» дом на Малой Сухаревке. Мемориальная доска: «Здесь жил Марк Бернес»... Сама квартира в сущности мемориал — архивы, фотографии, музыкальные записи, личные вещи»... Или так:

«Я сразу решил, что тебя уведу»

Народный артист Марк Бернес привел дочь Наташу в первый класс. Одноклассником Наташи оказался симпатичный мальчик Жан, у которого была не менее очаровательная мама — Лилия, жена фотокорреспондента журнала «Пари-матч» Люсьена. Такой натюр-морт. Бернес (он к тому времени уже несколько лет был вдовцом) потом говорил: «Я сразу решил, что тебя уведу». Страна недаром олицетворяла своего кумира с его лихими героями.

Лилия Михайловна Бернес-Бодрова: «Когда я приходила за сыном, Наташа меня спрашивала: «Лилия Михайловна, папа интересуется, как вы себя чувствуете». — «Нормально». — «Хорошо, я папе передам». Потом было родительское собрание, Марк Наумович пригласил меня к своим приятелям послушать пластинки Азнавур, только появившиеся в Москве. Потом стал звонить и приглашать то на полузакрытый просмотр «Сладкой жизни», то еще на какое-либо столь же завлекательное мероприятие. Познакомились мы в сентябре, а уже где-то в ноябре Марк предложил мне уйти к нему. Я полагала, что моему мужу я не нужна, а Марку, который растит дочь без матери, нужна. Так мы объединились».

В следующий раз Люсьен увидел Жана через двадцать два года.

Дети быстро и трогательно сдружились, стали — без оговорок — братом и сестрой. Понятен теперь мой заход насчет «Букваря»?

В начале восьмидесятых Наташа уехала с мужем в Америку и... развелась. Теперь она живет в Нью-Йорке, обычная американская трудящая пчелка. Лилия Михайловна ездила к ней, а Наташа сюда — не хочет. У нее сын, молодой человек — Марк Бернес.

Но это другая история.

Университеты

Марка Наумовича Жан называл отцом. Бернес гордился, что рядом с ним человек, которого он растит. Благословителен. Обходитель. Красив, наконец. Правда, учился мальчик неважно, книжек не читал и — как бы это сказать? — легкость в мыслях необыкновенная. Но шалопаяв родители, как известно, любят даже больше. К тому же всегда имеет место надежда, что «все еще впереди». Во второй половине шестидесятых дом на Сухаревке буквально осаждали юные девушки-поклонницы, нет, не Бернеса — Жана. С восьмого класса юный ловелас, дальновидно предвосхищая грядущую сексуальную революцию, перестал ограничивать девочек платоническими ласками. Развилась привычка — брать. И выбрасывать.

Жил мотыльком. Когда ему исполнилось шестнадцать, умер Бернес.

А Жан пошел учиться — на операторское отделение ВГИКа. Учился настолько впечатляюще, что Л.М. предпочла отправить его со второго курса «добровольно» в армию — чтобы не выгнали. Сын гулял напропалую, мать оплачивала его долги. Времена были еще вполне заповедные, но домой уже приходили угрюмо-вежливые мужчины: ваш сын должен столько-то. Бронетанковые войска вроде бы остудили шалую голову. Писал домой: «Мамочка, ты была права. Я тут испытал...». Хотя испытания были так себе. Потому что он был сыном Бернеса». Его это грело. Впрочем, когда мать попыталась «сыграть на струнах»: «Мой муж был Марк Бернес, его любила вся страна», отмахнулся: — Подотришь этим именем.

Астрология

(Зинаида Ивановна, многолетняя соседка, проникновенно)

— Вы в гороскопы не верите, я вижу. Но скажу: Жан — Скорпион. Будет жалить — больно. Он соткан из зла. Злопамятен беспредельно. А какой был мальчишка! Ангел. И очень, я вам скажу, интересный мужчина!

Список побед и поражений

В первый раз Жан женился на танцовщице Людмиле. Жили то у жены, то у Л. М. Не разведясь с первой женой, стал жить с новой — немкой (с дочерью). Жили с матерью. Я неспроста упираю на «местожительство», потому что основной вопрос советского человека потихоньку обострялся и приобретал злое очертание. Моссовет закрепил за Л. М. двухкомнатную квартиру Бернеса (добиться чего было, понятно, непростое), с тем, чтобы Жан имел право построить однокомнатную. Тем, кто запамätывал, и молодежи напоминаю: чтобы купить квартиру, нужно было иметь «право», основанное на фиксированном минимуме метража. С чем (минимумом) у Жана был явный перебор. Строительство как-будто бы

развивалось обнадеживающе, пока Л. М. не получила бумагу о том, что сын снят с учета, так как никаких документов в инстанции предоставлять и не думал. Л. М., инвалид второй группы после смерти мужа, больше не чувствовала в себе сил «пробовать».

К этому времени интересный мужчина Жан по сложившейся доброй традиции, не утруждая себя разводом с немкой, начал жить с Зиной, у которой, слава Богу, была своя площадь. Предыдущие жены подавали на развод сами, каковая участь, понятно, поджидала и Зину. Ее сменила Ирина, женщина с квартирой, волевым прищуром и бесхитрым материнским инстинктом. Она ласково наглаживает плечо Жана и приговаривает: — Жанчик хороший!

Неконкретный человек

(Зина, женственно и иронично)

— Только не сочтите меня обиженной женой! О браке я вообще не думала — девять лет не шла в загс, — пошла за неделю до рождения дочери. Притом, что была по-женски влюблена. Женщины от него вообще без ума — пока не узнают ближе. Приехал ко мне в гости с моей приятельницей и — задержался на тринадцать лет. Умел очаровать широтой — поначалу. Умел себя подать. Заваливал розами. Кто же из баб устоит? И я запала... Чрезвычайно эмоциональный человек. И как бы это сказать? — неконкретный. Мог распалиться, влюбиться и... забыть. Я быстро перестала воспринимать его всерьез. Он хотел всего и много. Не желал только одного — работать. Элементарно ленив. Неудобно говорить, но всю жизнь он пользовался слабостью женщин, которые его любили. И материально тоже. Знаете, как это на-

Семейная идиллия. 1962.

Фото из семейного архива

зывается? В 79-м получил наконец диплом, но об операторстве и речи не было. Хотел вроде бы заниматься фотографией. И занимался постольку, поскольку появлялись деньги. Пару раз участвовал в каких-то выставках. Я, как могла, заставляла его работать: время от времени чего-то делал, например снимал народ на ВДНХ у фонтана.

Просил ребенка, ведь у него не было детей. Я упиралась — у меня росла дочь от первого брака. Но в итоге сломалась и родила Люсю. Он ее обожал.

Когда возникли кооперативы, года два заработал много. Снимал семьи первых миллионеров и т. п. Появились деньги и — уверенность в себе. Шиковать безудержно, скупал, скажем, для друзей кафе: ящи-

тает в себе чувство неудовлетворенности окружающей действительности.

Заделявшись колдуном, Жан Люсьенович громкогласно отпустил матери шесть месяцев «на жизнь». Но, видимо, где-то недоработал: Л. М., слава Богу, жива.

Сын, наследник, отчаявшись, стал терять терпение. Последняя капля, переполнившая чашу — желание Л. М. прописать к себе внучку (напоминаем, единственного ребенка Жана Люсьеновича). Каково желание расценил как попытку лишить его прав на площадь. Разумеется, чушь с точки зрения юридической. Попробовал подехать «по-хорошему»: «Построй мне квартиру на Садовом кольце и я от тебя отстану!» Две идеи-фиксы: 1) деньги у

Сын вдовы Марка Бернеса намерен отсудить у матери «свою долю» квартиры народного артиста

ШИДЛЫ СКОРПИОНА

Москвичи, как заметил писатель Булгаков, люди в общем хорошие, но «квартирный вопрос» нас испортил. В приснопамятные времена материал такого рода был бы напечатан под задушевной рубрикой «На темы морали» (если бы вообще был обнародован). Полновесные порции душещипательных сентенций и разоблачительного пафоса — под соусом безапелляционных акцентов. В ряду движущих пружин доминировали бы, разумеется, социальные. Я же, честно, не знаю, чего здесь больше — «социологии», генетики или психиатрии. Смотрите сами. Я не склонен апеллировать ни к Фрейдю, ни к «Моральному кодексу строителя коммунизма». Это не криминальный протокол и не «донос» на главного персонажа. За банальной «бытовухой», похоже, проглядывает морда времени. Очевидно, что «квартирная разборка» — следствие. Следствие чумовых, зашторенных от постороннего глаза атрибутов нашей (именно так — нашей!) жизни.

Жан называл его папой. Последняя фотография Бернеса.

ки коньяка, шампанского. Фанфарон! Я его знала наизусть — меня не купить, ни убить. Вот и приобрел бы квартиру: что за мужик — за сорок лет не сумел себе построить дом! Деньги всегда носил при себе — в черном пакете. 10 — 15 тысяч, огромные по тем временам. Потихоньку начал терять голову — и потерял. Стал пить до полусмерти. Вообразил себя экстрасенсом, что ли. Манипулировал с фотографиями, воздействуя на «объект». Бывало потеряет по пьяни свой пакет и ищет — оглашено. Найдет и отогревает на сердце. Ничто уже его не интересовало, друзья исчезали один за другим. Друзья, кстати, из бывшей «золотой молодежи» были к тому времени уже все при постах и регалиях.

И вот, 2 ноября 1991 года. Было очень весело. Он вдребезги пьяный привез на машине ребенка. Сумасшедший скандал. Он буквально разбомбил всю квартиру — мебель, зеркала, телевизоры — все. Дочку шарханул головой о холодильник.

Моя дочь должна наблюдать, как он относится к своей матери. Ей десять лет и она все понимает. Но не может ему ничего сказать. Она безумно его любит. Она всех любит: и маму, и папу, и бабушку. Говорит: вдруг я скажу что-то против, а он откажется от меня?! И откажется. Пусть денег не дает ни рубля, но — отец...

2 ноября он ушел, а 31 января случилась трагедия — в автокатастрофе погибла моя старшая дочь. И он, экстрасенс ведь, сказал: «Это я сделал».

Линия фронта

Ирина появилась при наличии Зины. Жан Люсьенович привел ее в квартиру матери (то бишь к себе) и начал с ней жить. Чем не способствовал новому всплеску материнского чувства. Л.М. возмущалась: «Что вы превращаете дом в ночлежку? Вам же не по семнадцать лет. Снимите квартиру и занимайтесь любовью там. И что скажет Зина? Она ведь после этого не позволит мне общаться с внучкой». Жить у Ирины любовникам мешал действующий муж (Ирины — для тех, кто потерял нить повествования).

Разлука с мужем, однако, никак не отразилась на отношениях Зины с Л.М. Они продолжали тесно общаться. Что, видеть, пришлось не по нраву Жану Люсьеновичу. Однажды, когда мать в очередной раз лежала в больнице, а Зина с дочерью находилась у нее в квартире, пришел и в подъезде... разбил Зине голову. О стену. Лестницу потом отмывали от крови. А Жан Люсьенович ретировался на нижний этаж к приятелю детства — для обеспечения алиби. В другой раз с кулаками атаковал мать: «Старая падаль! я дождусь твоей смерти!». Забавно, что, когда пожилая дама вдруг ответила ему, используя обороты, не принятые в благородном обществе, ошалело скатился по лестнице — и был таков. Состояния крайнего аффекта вообще характерны для Жана Люсьеновича. Но если дружок потом остынет и, глядишь, даже покается, то он как бы культивирует, нагне-

матери (пенсия — 330 тысяч) есть! 2) да т ь е м у д о л ж н ы. Во всех последних разборках отмечается активная роль волевой Ирины, понимающей не хуже мужа, почему сейчас квартира в центре. Убедившись, что отдельной квартиры не будет, Жан Люсьенович выбросил из второй («своей») комнаты вещи Л. М. и запер комнату на ключ. После чего передал заявление в суд с требованием «узаконить право на комнату в 15 кв. м» Чтобы и после этого матери жизнь не показалась медом, сообщил: «Разделю лицеверные счета и заселю к тебе чеченцев!». Такой актуальный подход к теме.

«Мне надо жить»

Жан Люсьенович встречаться с корреспондентом отказался, но поговорил по телефону.

— У вас есть квартира?
— Есть.
— Вы водите туда кого хотите?
— Ну как вам сказать... Я вроде бы женат.

— В этом разница между нами: у вас есть квартира, у меня нет.

— Я думаю разница в том, что мне квартира досталась не от родителей. Я ее... выгряз. Из ничего.

— Мне 44 года. Я хочу жить отдельно. Музей? Жить в музее я не хочу. Мнение матери меня абсолютно не волнует. Юридически я имею право поменять квартиру. Да, Бернес меня воспитал (!). Но Бернес — это Бернес, а мне надо как-то жить. Пусть мать покупает мне квартиру. Жила много лет одна на 74 метрах, хватит.

Кто виноват?

Зина, раздумчиво:

— Его надо гладить по голове и тогда можно жить с ним всю жизнь. Только не дай Бог против шерсти... Ведь умел быть отходчивым. Но в последние годы...

Лилия Михайловна, пронзительно:

— Как-то видно повздорил с Ириной, жил здесь три дня. Пил беспробудно в гараже с местной шпаной. Ночью приходит, сел на приступок у вешалки, голова висит. Я подошла, погладила его волосы. А он — отшвырнул мою руку. Поставила чашку чая у кровати, ведь пьян — не дотронулся.

Это я во всем виновата! Я никогда ему не перечила. Они росли у меня как цыплята в вате — оба. Я виновата! Меня судить надо.

Аргументы

ЗА (лирика)

Л. М. по-настоящему одинока. Инвалид. Букет хворей, включая инфаркты. В больницах ее никто не навещает, кроме Зины с внучкой. Разъезд может оказаться последним ударом.

Хранительница наследия Марка Бернеса.

ПРОТИВ (юриспруденция)

Жан Люсьенович ИМЕЕТ ПРАВО

Воспоминание. 1960

Две детские лопухие головки, склонившиеся над «Букварем». Пушок на цыплячьих шейках, пахнувших «Клубничным» мылом. «ПЕ-ТЯ ЛЮ-БИТ МА-МУ МА-МА ЛЮ-БИТ ПЕ-ТЮ» Позади школьный денек с благодарными наставлениями и несанкционированными шалостями. Впереди — жизнь, полная забав, игршек и ошеломительных сюрпризов.

Виктор ГАЛАНТЕР

Фото Виктора СМОЛЬЯНИНОВА. Концерт «ВМ»

«Это я во всем виновата!»

Публикуется с ведома основных действующих лиц. Особо выразительные эпизоды опущены по этическим соображениям.